

Евгений ГОЛУБОВСКИЙ

ОБОСТРЕННОЕ ЧУВСТВО ТАКТА

РАЗГОВОР СО СКУЛЬПТОРОМ ГЕОРГИЕМ ФРАНГУЛЯНОМ

В международном конкурсе на создание памятника И. Бабелю в Одессе принял участие московский скульптор Георгий Вартанович Франгулян. Я мог бы сказать — тбилисский скульптор, поскольку детство и юность мастера прошли в Тбилиси. Я мог бы сказать — армянский скульптор, — и это тоже правда. Но Георгий Франгулян сегодня — человек, отвечающий на вызовы мирового искусства, думаю, ему тесно в любой национальной квартире. Достаточно вспомнить, где установлены его монументальные скульптуры.

Памятник Петру Первому в Антверпене, Александру Пушкину в Брюсселе, "Ладья Данте" в Венеции, императрице Елизавете в Балтийске, в Москве — Святославу Рихтеру, Борису Ельцину, Араму Хачатуряну, Булату Окуджаве на Арбате, Иосифу Бродскому, который будет установлен в районе американского посольства.

Это монументальные работы, а на выставке в Музее изобразительных искусств им. А.С. Пушкина, где Георгий Франгулян как бы частично воссоздал свою мастерскую, был блистательный ряд его камерных скульптур, восходящих к античным образцам, но осмысленных в XXI веке как "новая античность", картины маслом (скульптора манит цвет), рисунки... Кстати, персональные выставки проходили и в Италии, и во Франции, и в Бельгии, далее — везде...

Два дня пробыл в этот раз Георгий Франгулян в Одессе. И мне показалось, что необходимо познакомиться одесситов, где бы они сейчас ни жили, с мастером, который с детства влюблен в наш город.

— Георгий Вартанович, давайте начнем нашу беседу в лоб: что такое, по вашему мнению, хороший скульптор?

— Во-первых, это большая редкость. Увы, это не то, чему обучают в институте. Это овладение языком, видением не предмета, а пространства. Я мало с кем могу говорить из тех, кто окончил скульптурное отделение, на одном языке. Мне кажется, что и я только овладеваю этим языком, так что не до того, чтобы почивать на лаврах. Слишком сложные задачи должен в работе решать хороший скульптор, он должен быть архитектором, живописцем, графиком. И в результате — скульптором. Ведь приходится работать в пространстве. Сама ситуация диктует тебе выбор стиля, манеры, а значит,

пластическое решение. Скульптор должен тактично выступить на фоне существующей, не им созданной среды. Следовательно, должно быть обостренное чувство такта. И все это естественно для хорошего скульптора.

— Мешает ли "литературность" сюжетов монументальной скульптуре? В какой мере она должна "рассказывать", в какой — "показывать"?

— В монументальной скульптуре литературность должна быть. Но языком пластики я должен суметь передать идею. И этот язык должен быть прочитан зрителем без слов. На языке чувств. Не сюжет должен дозвониться, а тема. Образ, созданный мной, метафора, должны восприниматься зрителем естественно, как не требующие литературного объяснения.

Даже в античном искусстве преобладает композиционное воздействие на человека. Кстати, как и музыка, даже если она написана программно, все равно действует, прежде всего, на чувства. Скульптор должен обуздать сюжет, как мусанга. Это очень сложная задача. Нужно владеть языком символов...

— Вы упомянули античную скульптуру. А с кем из мастеров прошлого — от Фидия до Генри Мура — вы ведете тайный диалог в своей мастерской?

— Более 45 лет я занимаюсь своей профессией. Был период постижения, который и сейчас продолжается. Но уже не как ученик с учителями, общаюсь с великими. Недавно в Риме я смотрел на статуи Микеланджело. Смотрел не со слепым восхищением, как в молодости, а осозная, как достигнут результат, более того, поймал себя на мысли, что замечаю просчеты гения. И тут я подумал, что вошел в мировой цех скульпторов. Каждый должен осознать: или нужно все бросить, или стать звеном истории искусства. Это и есть миссия настоящего художника. Иначе это не искусство, а ремесло.

— А теперь вопрос более конкретный. Как у вас рождается замысел той или иной монументальной скульптуры?

— Вначале возникает предложение что-то сделать. А затем — у меня, во всяком случае, — огромная концентрация мысли, чувств, переживаний. И начинают появляться образные решения, точность видения. Я могу сравнить это с тем, что называют озарением. Кстати, это один из самых счастливых мигот

в работе скульптора. Потом ощущаю среду, думаю, как соприкоснуться с ней, как вписаться в нее. Скульптура — не предмет. Это решение пространственной задачи. Ты лепишь пространство, создаешь новое пространство — это все скульптура. Кстати, хорошие архитекторы — всегда скульпторы. Зимний дворец — это скульптура, весь Гауди — это скульптура. Это оркестр объемов.

— Замысел возник. В какой степени заказчик мешает или помогает? Были ли сложности с памятником Б.Н. Ельцину и его семьей?

— Признаюсь, чаще всего мне везет. Более комфортно, чем в работе над памятником Б. Ельцину, я себя редко чувствовал. Мне позвонили, объяснили, что и семья, и правительство хотели бы, чтобы я сделал надгробие Борису Николаевичу. Я спросил, есть ли какие-нибудь ограничения, пожелания. Никаких! И тогда, посмотрев пространство, учитывая, что недалеко памятник Э. Неизвестного на могиле Н.С. Хрущева, я нашел образ, который меня устраивал. Никакого портрета, никаких украшений. На могилу наброшен триколор — российский флаг. Здесь работает цвет, византийская мозаика. Когда родные увидели проект, первым ощущением Татьяны Борисовны и Наины Иосифовны был шок! Но они поверили в то, что это образ куда более значимый, чем

Ельцин на танке. Затем меня поддержал В.В. Путин. Так что заказчики становятся друзьями.

— Взаимоотношения художника и власти...

— Всю жизнь я ощущал себя независимым человеком. Гордым человеком. Не раз говорю интервьюерам: я самодостаточен. Свои убеждения ни с кем не обсуждаю, мой художественный мир не зависит от власти. Я это знаю, и власть уже это знает.

— Что для вас Одесса и что для вас Бабель?

— Одесса — город, очень близкий по духу Тбилиси. Масштаб города, его дворы, любимые мной планеты. Впервые я увидел Одессу, когда мне было шесть лет. И первое впечатление не замутилось. Я пронес его сквозь годы, хоть бывал здесь много раз. И сейчас у меня в Москве на стене висят картины одесских художников. Я не коллекционер. Но "Апостол" Александра Ройтбурда и "Армения" Сергея Лыкова стали частью моего мира. Когда я их покупал у них, этих молодых ребят еще толком никто не знал. Но, видите, не ошибся. Для меня Одесса — это концентрация радости. Тут и мягкость человеческой среды, и плотность воздуха, и добрый запах жилища.

Бабеля я начал читать еще в школьные годы. Конечно, тогда не задумывался над его судьбой. Я просто упивался красками его мира. Сейчас читаю иначе — по несколько страниц, его нельзя читать залпом. Это как выдержанное вино. Не расплескать все чувства. Естественно, в зрелом возрасте я понял, что Бабель — фигура трагическая. Как он ни выглядел внешне, но наедине с собой он не мог быть благополучным. Конечно, он ощущал, что система его давит и может раздавить. Поэтому писал "в стол", для денег пробаблялся кинопроизводством, журналистикой. Но и то, что создано после "Конармии" и "Одесских рассказов", — литература высокой пробы.

— Оглядываясь назад, какие из своих монументальных скульптур вы оцениваете выше, какими менее довольны?

— Я не люблю оглядываться назад. Возможно, из трусости. Конечно же, боюсь увидеть недостатки. Но умею смотреть на себя со стороны. Иногда радоваться — как мне такое удалось, иногда огорчаться — как же я мог не заметить... Но в целом для меня важно то, что впереди. И поэтому вершину я определил одну — историю искусств. Для меня неважно стилистически, какое течение — "архаика" или "кубизм", ка-

кой жанр. Для меня важнее всего — целесообразность и такт. Если это есть, значит, все в порядке.

— Раз для вас важнее всего, что впереди, так действительно, что впереди, Георгий Вартанович?

— Должен довести до конца работу над памятником Иосифу Бродскому, установить его. Работа над памятником Исааку Бабелю только начата. В моей жизни всегда два праздничных мгновения: когда придумываешь и когда осуществляешь. Может быть, это будет одна из последних монументальных работ. Меня все больше увлекают камерные скульптуры. Начал делать работы из стекла, много рисую. Какое это счастье, когда в этот же день перед тобой законченная работа!

И все чаще вспоминаю слова, услышанные мной в Равенне. Я для одной старинной базилики делал распятие. Приехал кардинал, духовные лица. Они долго заседали. Затем ко мне вышел кардинал и сказал: "Сын мой, это прекрасное произведение искусства, духа и веры". Как это важно, чтобы во всем, что делаешь, была гармония! И с миром, и с самим собой.

Фигура А. Пушкина

Фигура Иосифа Бродского (фрагмент памятника поэту)

Девочка с длинными волосами

Торс

Композиция